

Сергей ПСАРЕВ*г. Санкт-Петербург*

ПУТЬ на ВАЛАХ

Записки странствующего художника**Время затворников**

Сначала эпидемии у нас наступило странное время. Все замерло, как в сказочном королевстве, в котором маленький злой волшебник оставил часы на главной городской башне. Пустынные улицы и проспекты преобразили Санкт-Петербург до неузнаваемости. Где-то за его каменными стенами все еще билась и пульсировала затаившаяся жизнь. Петербург даже в таком необычном состоянии оставался привлекательным: большой музей под открытым небом. Он заблестел какой-то особенной первозданной чистотой, больше ничего не скрывало его роскошных фасадов. Рисовать их стало гораздо удобнее. Правда, из этого получалась какая-то мертвая красота. Кто в нее такую поверит? Потом забрезжил долгожданный рассвет. Мир как раненая птица, которая снова пыталась взлететь. И тогда мы с тобой сбежали из своего прекрасного плена, едва узнав, что Карелия открыла свои двери...

Убегающая серая лента шоссе, как двигатель возвращенной тебе жизни. Словно выныриваешь из глубины и жадно хватаешь ртом свежий воз-

дух. Не видимая миру болезнь четко обозначила близость бесчувственного предела. Нужно торопиться жить...

* * *

Первая дальняя поездка, конечно же, на Валам, уже превратившаяся для нас в главное событие и вершину года. По-настоящему, дорога туда начинается в поселке Саперном после посещения храма Коневской иконы Божией Матери.

Службу в этот день вел протоиерей Сергей Бельков, известный в миру помощью в освобождении людей от наркотической зависимости. Говорил он настолько естественно и просто, что каждое его слово как будто сразу попадало в душу. Рядом с нами только помогавшие ему двое певчих. Служба прошла как-то по-родственному, по-домашнему.

Принимаем происходящее как благословение своего будущего предприятия, пишем записки и ставим свечи. Теперь можно спокойно двигаться дальше...

На Сортавалу

Карелия начинается сразу за Приозерском, родным городом киногероя Данилы Баграва и крепостью Корела, у стен которой снимался эпизод с песней «Крылья» в исполнении группы «Наутилус Помпилиус». Никакой границы чертить не надо. Она читается в названиях поселков, рек и озер. Природа тоже совершенно другая. Карелию просто чувствуешь, она начинается как настоящая лесная сказка. Правда, реальность есть реальность, и какой-то пост совместного несения службы пограничников и полиции мы все же проехали.

Стоявший пограничник внимательно посмотрел на петербургские номера нашей машины и, махнув рукой, не останавливая, отправил дальше. Это вопросов не вызывало: граница с соседней Финляндией всего в 20-25 километрах от трассы на Сортавалу. Дорога идет в обход северо-западной части Ладожского озера. Магистраль на своем пути часто разрезает лесистые сопки и оказывается стиснутой красивым рельефом скальных пород с обеих сторон. В синее небо стремительно вонзаются рыжие стволы высоких корабельных сосен. Потрясающий пейзаж, достойный кисти Николая Рериха, иногда портит наскальная живопись современного человека. Каждый раз она резко спускает тебя на землю.

Ближе к Сортавале дорога начинает петлять, а крутые повороты делают ее небезопасной. По пути на Валаам мы каждый раз успеваем открыть для себя новый уголок полюбившейся Карелии.

Теперь это музей деревянных скульптур «Город Ангелов» в Лахденпохье, давший практически вторую жизнь старой разрушенной лютеранской церкви. Экспонаты представлены здесь довольно необычные. Талантливо сработанные русскими мастерами фигурки ангелов «летят» на нитях в проемах стрельчатых окон или стоят на полу в старой разрушенной кирхе.

Нужно сказать, что деревянная скульптура всегда органично вписывается в карельский пейзаж, в котором лес традиционно составляет его главное богатство и душу. Очень теплый для восприятия материал, естественное продолжение живой природы.

Необычное соединение прошлого и настоящего в разоренном лютеранском храме рождает в голове новую иллюзию, некую идею добра и всеобщего примирения. Наверное, ангелы действительно иногда спускаются на нашу грешную землю, но где это происходит на самом деле, никому неизвестно. По мне, они обретают живую челове-

ческую плоть в дорогих и любимых людях, а еще чаще в наших детях.

Эту многофигурную экспозицию, сопровождающуюся фотовыставкой об истории церкви и ее прихода, пожалуй, стоит воспринимать вместе с находящимся рядом кладбищем погибших в годы войны финских солдат. Оно аккуратно ухоженное, как и многие другие на карельской земле. Исключая редкие случаи вандализма, отношение к таким захоронениям у жителей довольно спокойное. Сюда следует добавить, что в любом местном музее, повествующем о событиях на Карельском фронте, вам непременно и самым подробным образом расскажут о жизни и быте финских солдат. И это несмотря на то что период финской оккупации здесь отмечен созданием концентрационных лагерей и массовым истреблением населения, которое иначе как геноцидом называть нельзя. В соседней с Карелией Ленинградской области, да и во многих других регионах, отношение к таким же захоронениям немецких солдат куда болезненнее. Было время, что и до народных сходов, прямого противостояния доходило. Не хотели люди жить рядом с таким местом.

Причину таких различий долго искать не стоит. Германия, Италия, Венгрия или Румыния находятся слишком далеко, и многие россияне их в глаза не видели. Финляндия всегда здесь, рядом, в двух десятках километров. Она привлекает соседей примером своего благополучия, близостью культуры, бережным отношением к погибшим.

Вообще же, настоящие фронтовики к поверженному противнику всегда были терпимы. Смерть многое уравнивает.

В нашем общем прошлом осталось немало запутанных сюжетов. Известно, что в оккупированной Карелии искусствовед, младший лейтенант Ларс Петтерссон совместно с художником и скульптором Ойва Хелениусом провели тщательную инвентаризацию деревянных церквей и часовен. Они старательно обследовали, зарисовали и сфотографировали 242 храма на территории Заонежского полуострова и Межозерья. Делалось все это по распоряжению финского командования. Определялась стоимость, заводился учет в новом хозяйстве. Уходить из Карелии они не собирались. Все это происходило на фоне продолжавшегося грабежа церковного и культурного имущества финскими солдатами. Немало ценностей было вывезено в Финляндию и возвращено только после ее капитуляции в 1944 году.

К нашему времени из «списка Петтерссона» сохранилось только 32 церкви, а может, и меньше.

После войны Ларс Петтерссон опубликовал монографию о церковной деревянной архитектуре Заонежья. Документ получился уникальный, которым пользуются многие наши специалисты. Теперь мы можем хотя бы знать, что имели раньше.

С деревянными церквями теперь совсем беда. Пожары и неумелая реставрация раз за разом ведут к потере лучших памятников русского зодчества. Два года прошло, а страсти по поводу сгоревшей церкви Успения в Кондопоге так и не остыли. Для меня малым утешением служит, что видел это онежское чудо и дважды рисовал его. Это была память на всю оставшуюся жизнь...

Дерево, при всех его замечательных качествах, – недолговечный материал. На Руси огонь уничтожал церкви, иногда целые деревни и города стирал с лица земли. Это воспринималось как неизбежное, погибших оплакивали. Собирался народ и всем сходом строил себе новую церковь, лучше и краше прежней, помогал рубить избы семьям погорельцев. После этого потери легче забывались. Загляните в историю любого старого православного храма. Он на своем месте строился и перестраивался по нескольку раз. Теперь попытка восстановления часто ведет к окончательной потере старого храма. Утрачены прежние навыки мастеров, строим мы теперь совсем по-другому, удобным импортным инструментом. Разница читается с первого взгляда...

Сортавала – небольшой по российским меркам город со шведским, финским и российским прошлым. В его непростой истории и судьбах живших людей разобратся так же непросто, как пройти на лодке по ладожской волне к изрезанному шхерами берегу. После окончания войны и вторичной эвакуации финнов в Финляндию сюда прибыли переселенцы из союзных республик СССР, преимущественно русские, украинцы и белорусы. С этого времени количество проживавших финнов и родственных им карелов здесь не превышало 5%. Другое дело, что Карелия меняла приехавших сюда людей. Они сохраняли свой язык, элементы национальной культуры, но уже заметно отличались от прежних земляков. По этой части Карелия похожа на далекую от нее Америку.

Помнится, как мой дед посадил у себя на участке виноградную лозу, привезенную им из дальних краев. Потом с удивлением пробовал вкус виноградной ягоды на выросших кустах и качал головой. Другой была его земля, другим стал и виноград...

Люди старшего поколения еще помнят не самые худшие в их жизни годы советской власти,

когда у каждого была работа и стабильный заработок. Теперь Сортавала уже не промышленный центр, его предприятия после 90-х годов тихо испустили дух, как и многие другие в республике. Российский бизнес сюда не торопится: вложенные в местную экономику деньги не обещают скорой отдачи. Остается туристическая отрасль, по части которой Сортавала занимает почетное второе место в республике после Петрозаводска.

Те, кто успел встроить сюда свои скромные возможности, чаще всего занимаются частным извозом, сдают жилье внаем прибывающим туристам. Ограниченность туристического сезона и скудность выбора нередко диктуют высокие цены, которые приезжие люди совершенно напрасно пытаются адресовать каким-то особым чертам местного характера. Все это происходит из-за скоротечности таких отношений. Сортавала – транзитный, ближайший материковый населенный пункт на пути к Валааму, куда поток паломников и просто любопытствующих не иссякает никогда. Люди здесь приветливы и гостеприимны, и не их вина, что суровые условия однажды поставили их на грань выживания. Как ни крути, а это заставляет многих действовать по своим правилам, иногда похожим на причудливую смесь из прошлого советского наследия и гримас дикого капитализма.

* * *

Улочки и дома Сортавалы, как отпечатки человеческих пальцев, по которым восстанавливается минувшие события. В историческом центре сохранились здания в стиле северного скандинавского модерна, рядом деревянные бараки, которые можно отыскать в любом карельском городе. За ними стоят скромные «хрущевки» эпохи победившего социализма. Нынешнее время тоже торопится внести свою посильную лепту, отстраивая дворцы для новых хозяев жизни и отели в природоохранных зонах. Что же, будущие поколения оценят всех. Возможно, у кого-то появится шанс оказаться лучше и достойнее нас...

И все же самым большим богатством этих мест является уникальный природный ландшафт, образовавшийся на северо-западных берегах Ладожского озера после схода ледяного покрова многие тысячи лет назад. Шхеры... Ничего более красивого в других местах мне видеть не приходилось. Когда наш крохотный катер, сбросив скорость, входил в узкий прибрежный залив, шел мимо похожих на атомные субмарины темных отшлифованных скал, кружил среди бесчислен-

ных островков-корабликов, мне казалось, что я принимал фантастический морской парад. Нет, я не кричал им адмиральских приветствий, а безмолвно молил Бога, чтобы эти малодоступные берега как можно дольше оставались в таком первобытном состоянии.

Поднявшись на каменную вершину, неожиданно понял, что крыша мира находится именно здесь. Передо мной до самого горизонта простиралась блестящая под северным солнцем вода,плыли,меняли свои очертания и висели в воздухе синие острова...

В какой-то момент меня охватило странное возбуждение, захотелось карабкаться по скалам, пробираться по каменистым тропам в поисках пещеры со следами инопланетных пришельцев или кругов древнего магического лабиринта. Откуда на меня хлынул такой поток энергии, неизвестно. Только и ехавшие вместе с нами туристы вели себя таким же образом...

«Ревущие сороковые»

Утро нового дня хорошей погоды не обещало. Волны плясали от берега до самого горизонта. Раскачавшаяся свинцовая масса воды каждый раз припечатывала бетонное основание причала, издавая характерный чмокающий звук. Разбуженный июльскими ветрами дух Ладоги сердито поднялся из ледяных глубин. «Метеоры» в такую погоду на Валаам не пошли. Автобусы с туристами приезжали и уезжали обратно. Все чего-то ждали и надеялись. Погода за день могла меняться не один раз.

Мы свалили все свои пожитки на причале и решили ждать до победного конца. Нашли номер телефона и позвонили в какую-то частную компанию. Там обещали отправить нас на Валаам уже сегодня.

К 11 часам утра ветер немного стих, и первый катер повез туристов в ближайшие шхеры. Это еще не Валаам, но уже обнадеживало. Теперь катера подходили к причалу один за другим. Они принимали на борт пассажиров и уходили. На велосипеде подъехал представитель перевозчиков и сообщил, что нашел для нас катер, идущий на Валаам. Надев на себя разом все имеющиеся теплые вещи и подхватив рюкзаки, мы побежали на другой конец причала. У деревянного мостика стоял хозяин катера в фуражке флотского образца с якорем на кокарде. На его жилистой руке – сведенная шрамами неизвестная татуировка. Кроме нас двоих, сюда подошло еще шестеро пассажиров.

Наше суденышко имело потрепанный вид, будто только что прошло «ревущие сороковые» в необъятных просторах Мирового океана.

– Все собрались, можно начинать посадку, – бойко доложил представитель перевозчиков, не слезая со своего велосипеда. Он уже готовил к посадке следующую группу.

– Дойдет? – спросил я с робким сомнением в голосе.

Хозяин катера окинул меня презрительным взглядом и сплюнул за борт:

– Вы у меня еще про температуру ладожской воды спросите. Дойдет. Двадцать лет здесь хожу. Меня тут каждая собака знает.

После этого все пассажиры послушно заняли свои места на катере и надели оранжевые спасательные жилеты.

– А что такое «ревущие сороковые»? – спросила ты шепотом.

– Морской термин, ветры на этих океанских широтах. Они дуют в Южном полушарии. Мы сейчас с тобой на другом конце света.

Светило яркое солнце, и мы ушли от берегов Сортавалы в приподнятом настроении. На открытом пространстве снова поднялся ветер и погнал волну по правому борту. Катер превратился в скачущую лягушку. Ближе к островам архипелага на ясном небосклоне появилась небольшая темная туча. Не раз замечал, что в этом месте на Ладоге часто происходят любопытные атмосферные явления.

Приближавшаяся к нам туча была похожа на лохматую голову с длинным, как клюв, носом. Она двигалась со стороны Валаама, снижалась и быстро увеличивалась в размерах. Мы вошли в нее словно в вечерние сумерки. Небо тут же извергло сверлящие воду струи дождя. «Голова» громыхнула над нами хохочущим раскатом грома и покатила над Ладогой дальше. Непогода ушла так же внезапно, как и пришла сюда. Валаам снова засиял яркими красками.

Когда катер вошел в Монастырскую бухту, синяя вода в ней была ровной и прозрачной, как стекло. Обогнув Скитский остров, мы ступили на святую землю у Владимирского моста.

В главном храме

Вставать утром можно рано или поздно, а на Валааме это хорошо делать с первым ударом колокола. Потом поспешить на праздничную литургию Сергия и Германа Валаамских, основателей монастыря...

Непривычно безлюдно в этот день в централь-

ной монастырской усадьбе. Служба идет в верхнем храме. Всех, кто сюда приходит, пускают по карантинным правилам, с соблюдением расстояния между прихожанами. Пол в храме для этого покрыт специальными отметками. Занимаешь одну из них, как шахматная фигура на расчерченной клетками доске. Это где-то даже удобно, поскольку добавляет каждому обзора. Вокруг все больше местных, но были и приезжие, заметно выделяющиеся стилем одежды.

Монастырская служба строга в соблюдении правил, но проста и понятна каждому. Ничего нет лучше неё. Все в ней идет от сердца к сердцу, вызывая ощущение духовной радости и общего единения. Понимаешь, что не зря так долго ехал сюда по земле и воде. Дом Бога – это теперь и твой дом.

Оказываюсь по самому центру храма напротив алтаря под хорами. Отсюда лучше видно происходящее богослужение. Все мужчины стоят в храме по правую руку. Так здесь всегда заведено, и этот порядок никогда не меняется. Долго ищу тебя взглядом среди прихожанок и нахожу за фигурой монахини в традиционном черном одеянии. Вижу твою склоненную голову в небесно-голубой косынке, и от этого делается особенно спокойно и приятно на душе. Все будет хорошо. Про себя отмечаю, что у меня ушло прежнее ощущение неловкости от своего присутствия в храме. Теперь это и моя жизнь. Рядом идет фотосъемка и запись Божественной литургии. Через несколько дней, уже в Петербурге, увижу себя на фото в толпе за спиной настоятеля монастыря епископа Панкратия...

Постепенно погружаюсь в происходящее и получаю от службы необыкновенное наслаждение. Увиденное мною действие усиливается духовным песнопением братского монастырского хора. Валаамские распевы постепенно отрывают тебя от пола, и ты, сам того не замечая, паришь, с удивлением взирая с высоты на стены, богато украшенные фресками, и происходящее внизу священнодействие. Среди многоголосого хора выделяется чей-то красивый бас, который тянет свою ноту заметно более других. Этот момент настолько сладостен, что слезы внезапно подступают к самому горлу. Потом приходишь в себя и с великой радостью становишься на колени, вместе со всеми поешь слова молитвы: «Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видим же всем и невидимым. И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного...»

Чудно, но во всем этом общем хоре мне ясно слышится твой голос. Подумал, что такого здесь

быть не может. Ты стоишь далеко, и храм большой. Значит, он просто звучал и пел во мне, говорил за меня правильные и нужные слова...

Уже позднее вспомнилось, что была в храме молодлица с младенцем. Видно, устало под конец службы ее малое дитя. Тогда пошла молодлица с ним меж рядов молящихся и в глаза им стала заглядывать. Глаза у нее светлые и добрые, радостью за сына полные, что он так бойко своими крепкими ножками по храму ходит. Будто говорила молодлица всем и каждому: «Посмотрите, люди добрые, как он хорош, как много умеет! Это мой сын, моя плоть и кровь, и на меня он похож...» И стали тогда люди молящиеся им в ответ улыбаться, ровно светом зажигать храм. Верно, в нем еще светлее стало. А я подумал: «Она же как Богоматерь с юным Иисусом идет. Так, видно, оно тогда было и будет теперь всегда...»

Скитский остров

Мы идем, взявшись за руки, по Скитскому острову к Дубовой аллее, которую с недавнего времени считаем своей. Никогда не забуду, что это ты впервые однажды привела меня сюда. Теперь этот путь измерен нашими шагами. Сколько людей делали его прежде или сделают после нас, никому не известно. Сейчас здесь совсем безлюдно. За весь день можно никого не встретить. Тишина, в которой только деревья меж собой говорят: скрипнут стволами, шелестом ветра ответят, что на самом верху их зелеными кронами играет...

Каждый раз встречу с Валаамом начинаю с посещения часовни Крестных страданий Спасителя на Скитском острове. Она будто ожидает меня. Привычно уже беру в руки Псалтырь и начинаю читать его там, где открылось. Удивляюсь звучанию своего голоса, который в часовне меняется и обретает странную силу...

В первый же день даю волю страстному желанию рисовать акварельными красками. Душа требует прикосновения к этому миру. Чувствую, что дает знать некоторый перерыв в работе с цветом. В Петербурге у меня другие занятия. Рука периодически зависает над красками в поисках нужного оттенка. Кажется, теперь идет лучше. Задерживаю взгляд на стенах часовни, любясь их меняющимся освещением. Нужно торопиться, потому что любой погожий день без дождя следует принимать как Божию благодать.

Неожиданно солнечный луч попадает на крест часовни, и он вспыхивает ярким сиянием, от которого хочется спрятать глаза. В тот же миг в го-

лову приходит мысль, что теперь над моей головой светят сразу два солнца.

В следующий раз иду дальше, к скиту Всех Святых, или, как его здесь все называют – Белому скиту. Он действительно беленый и белый, а своими размерами похож на уединенный монастырь. Скит со своим строгим уставом, и женщин туда допускают только один раз в год на храмовый праздник. Испрашиваю у подошедших к воротам монахов разрешения пройти на территорию скита и набрать святой воды. Братья проводят меня во внутренний двор и показывают колодец.

– Сам справишься, как?

– Управлюсь, спаси Господи!

– Во славу Божию, – отвечают монахи с достоинством и степенно идут дальше.

Открываю дощатую крышку колодца и опускаю цепь с ведром. Где-то внизу слышится плеск воды. Начинаю вертеть рукоятку колодезного ворота. Полное ведро натягивает цепь и медленно движется вверх, сыплет серебряными струями святую воду. Набираю ее в несколько пластиковых бутылок и оставляю за воротами Белого скита. Одну из них беру с собой. Принимаюсь рисовать так, чтобы на рисунок попала колокольня и белые стены скита через лес просвечивали. Слегка набрасываю карандашом рисунок и собираюсь писать его акварелью. Только тут замечаю, что воды для красок у меня нет. После небольшой заминки принимаюсь разводить их святой водой, первый раз в жизни...

Очень скоро тучи затягивают небо, и начинает крапывать дождь. Торопливо укладываю свои вещи и собираюсь уходить. Дождь принимается еще пуще, и в дороге от него уже нет никакой защиты. Неожиданно рядом останавливается черный внедорожник. За рулем монахиня: «Садитесь, подвезу вас, куда нужно?» От неожиданности такого предложения немного теряюсь, но потом быстро забираюсь в машину.

– Художник?

– Да, Белый скит сегодня рисовал. Вот только закончить не успел.

– Его многие художники рисуют.

– А я видел вас вчера в храме на утренней службе. Мы даже стояли с вами неподалеку.

Губы монахини трогает едва заметная улыбка.

– Вам где лучше остановиться, у дома лесника?

Возле Владимирской часовни монахиня сворачивает влево и подвозит меня к самому крыльцу. Начавшийся ливень здесь нестрашен. Кланяюсь и благодарю за помощь. Вспоминаю, что в минувшем году она уже подвозила меня сюда со Смоленского скита. Тоже сильный дождь шел.

Такое поведение людей на Валааме считается обычным. Они доброжелательны, легко отзываются и помогают друг другу. Это доставляет людям обоюдную радость. Здесь вообще разговаривают немного иначе, на другом русском языке, лишенном грубости и пустых эмоций.

Своего, коренного населения на Валааме сейчас нет. Люди приезжают сюда, одни – на короткое время, другие надолго или навсегда. Последнее делать непросто. Валаам – не совсем обычная человеческая среда обитания. Прежде всего, это православная монастырская обитель, место служения, духовный и нравственный выбор для каждого человека. Спустя столетия монастырь на Валааме превратился в один из важнейших столпов, на котором сегодня держится древо русского мира, а он, как известно, шире границ нашего Российского государства. Кто-то уходит сюда из мирской жизни, чтобы в уединенных лесных скитах дено и ночно молиться Господу. Другие люди служат здесь самому Валааму. Вся эта система тесно связана между собой.

Есть у Валаама и другая интересная особенность: он притягивает многих людей. Кому-то стоит приехать однажды, и потом его сюда тянет, как лодку к своему берегу. Давно ли я сам делал здесь первые робкие шаги в православии?

Иногда люблю украдкой наблюдать за работой в саду местного лесничего Николая. Он приехал на Валаам с Украины. У него выразительный, почти иконописный тип лица, напоминающий его тезку, Святителю Николаю. Сходства добавляют короткая стрижка седых волос и борода. Его внимательные голубые глаза не кажутся мне холодными. Николай о чем-то рассказывает. Руки его при этом постоянно делают какую-то работу. Сын Алексей, высокий и статный, похож на него не только внешне. Отец сумел передать ему такое же отношение к труду и любовь к земле. Исчезающий, почти реликтовый тип мужчины для наших тепличных городских условий, когда человек абсолютно все умеет делать собственными руками. Бродить по лесу с Николаем не просто интересно и познавательно. Здесь он знает каждое дерево и травинку.

Его жена – москвичка Ирина, ходит по дому неспешно, русской лебедушкой. Движения у нее плавные, в них нет ничего искусственного. Она сейчас пришла из храма и делится последними новостями. Ирина улыбается и вся светится, как это бывает у верующих людей после святого причастия. Настроение у Ирины подвижное. Случается, что и тень набегит – тогда отвернется и всплакнет. Такой бывает женская доля. Она боль-

шая мастерица и иногда показывает нам свои новые работы – росписи по дереву, исполненные темперными красками. Не виданные миру скачущие кони, звери и диковинные птицы, бытовые сюжеты, исполненные ярким цветом, несут в ее жизнь ту радость, которой иногда не хватает в окружающей жизни.

Вот и получается, если хочешь понять человека, не пытай и не расспрашивай его, а посмотри, как он делает свою работу. При всей своей внешней мягкости и деликатности оба они обладают сильными и независимыми характерами. Иначе здесь просто не выжить. Такими людей делает Валаам...

При заметном постоянстве небольшого островного мира в нем каждый раз что-то меняется. Не так давно умер старый белый конь Кипарис. Теперь возле скита Всех Святых пасется его преемник, гнедой конь Березка с белой звездочкой на лбу. Этот вышедший в отставку цирковой красавец доживает на острове свой век, окруженный заботой и любовью. Его здесь все чем-то угощают. Мы моргнуть не успели, как он съел наш букет из лесных колокольчиков при первой же встрече.

Среди дубовых рощ, елей и сосен-великанов Валаама присутствует ощущение особенной лесной мягкости. Легко забываешь, что находишься на острове посередине холодного Ладожского озера. От студеного ветра тебя надежно защищают кроны деревьев, согревают собравшие дневное солнечное тепло камни и человеческая доброта. В последний день задумал нарисовать акварелью «шишкинскую» сосну, очень заметную, могучее дерево. Говорят, что известный русский художник Иван Иванович Шишкин не раз рисовал здесь и отдыхал под его тенистой кроной. Отчего же теперь не попробовать сделать это самому?

У Николая Рериха

Остров Святой из Валаамского архипелага вырос перед нами подобно большому кораблю или сказочной рыбе-кит. Казалось, этот каменный монолит шел встречным курсом, разрезая ладожскую воду своими могучими бортами и оставляя позади пенный след. Николай повел лодку с южной стороны острова. Здесь имелось безопасное место для подхода к скалистому берегу и высадки.

Святой остров – самый ближний к Валааму в цепочке островов Восточной гряды. От мыса Черный нос, северо-восточной оконечности Валаама, его отделяет всего два километра чистой воды. Финны прозвали этот высокий остров «Угрюмый», что объяснялось его безлюдностью.

В голове у меня сразу возникла картина Николая Рериха, где изображен этот остров. Один из лучших пейзажей художника, написанный на Валааме в 1917 году. Крутой неприступный скалистый берег одиноко стоявшего острова. На его вершине несколько тонких сосен. Дальше нужно было читать изображенные художником символы. Уступы скал складывались на картине в фигуры исполинов иноков в капюшонах. Они выстраивались в ряд, занимая все пространство между небом и водой. Была там еще и крохотная лодка с двумя святыми старцами, приближавшаяся к острову, но их сразу даже не разглядеть. Может, это были Преподобные Сергей и Герман, основатели Валаамского монастыря? Была версия, что монахи не сразу появились на Валааме, а вначале жили на одном из соседних островов. В картине Николая Рериха было что-то языческое, преклонение перед первозданной природой и Богом, создавшим ее. Высокий скалистый остров сам казался мне нерукотворным храмом, местом для совершения молитв и духовных подвигов. С его вершины открывался редкий по красоте вид на Валаамский архипелаг. Синева Ладоги сливалась с небом, а облака превращались в удивительных скачущих всадников.

Наша лодка выглядела рядом с нависавшим над водой островом ничтожной щепкой, а все остальное только предстояло переосмыслить. От ощущения собственной ничтожности в душе поселилась какая-то неуютность. Место для пристани мы тогда нашли и начали восхождение на вершину острова. У православных людей это особо почитаемая святыня. Здесь сохранилась пещера, связанная с именем Преподобного Александра Свирского. Проведя три года в монастыре, старец удалился в пустынь на остров Святой, где прожил десять лет в полном безмолвии и суровых условиях. Однажды он услышал голос, повелевший ему вернуться на реку Свирь. Масштаб содеянного им по-настоящему можно почувствовать только здесь.

В XVIII веке на острове устроили скит. Построенную в 1855 году маленькую церковь освятили в честь Александра Свирского. Пещера и могила, которые выкопал Александр своими руками в напоминание о бренности человеческой жизни, теперь почитаются как чудотворные. У входа в пещеру монахи поставили массивный деревянный крест.

С некоторой робостью крестимся и входим в пещеру по одному. Она тесна даже для одного человека и больше походит на погребальный склеп или нору. Идти можно только согнувшись, касаясь сухих стен. Кажется, что на плечи ложит-

ся вся каменная тяжесть одинокого острова. Окружающий холод напоминает о нетленности всего святого. Подсветив себе фонариком, мы отыскиваем и зажигаем свечи, потом совершаем молитву возле иконы.

Там, в глубине каменной твердыни, по подземным ходам все еще шли вереницы монахов. Они, как и мы, держали в руках свои свечи. Мне даже почудился глухой нарастающий звук их шагов. Ударивший в глаза свет на выходе из пещеры снова возвратил нас в царство живых.

Обратно возвращались уже берегом. Прыгая через камни, внимательно вглядывался в поднимавшиеся над головой скалы. Признаюсь, что пережил необычайное волнение, обнаружив среди уступов склоненную голову каменного монаха. Глаза его были опущены или закрыты. Казалось, он о чем-то надолго задумался. Святые люди действительно были здесь, рядом...

Палинсаари

Идея такого путешествия, конечно, принадлежала Николаю, рассказавшему про этот необитаемый остров немало интересного. Для себя он открыл его сравнительно недавно. Правда, уже на следующий день Николай сказал, что мы хотим «всего и сразу» за слишком короткое время. Нужно подождать, чтобы погода установилась. Дорога туда не близкая, а Ладога шутить не любит. Однако на следующий день погода нам благоприятствовала и судьба нового похода решилась в считанные минуты. Мы пошли туда вчетвером, самым полным возможным экипажем. У Николая – легкая дюралевая моторная лодка-«казанка» с довольно низким бортом. В своей «островной жизни» Николай пользовался ею часто и на большие расстояния.

Лодка легко резала озерную гладь, позволяя вдохнуть полной грудью упругий свежий воздух и зачерпнуть рукой чистую холодную воду. В лучах опускающегося солнца белые кучевые облака обрели «по-рериховски» особую плотность и объем. На карте архипелага остров оказался самым удаленным на юго-восточном направлении. Будто уплыл остроносой ладьей по студеной ладожской водице от остальной островной группы и теперь ей больше не принадлежал. Вот она, настоящая воля...

Назывался этот остров – Палинсаари (горелый или голый). Свое прозвище он в полной мере оправдывал из-за отсутствия привычного для таких мест островного леса. Позднее у него появилось и русское название – Пальяк. Раньше в этих местах

рыбаки ловили палию, ценную красную рыбу. Вначале мы поравнялись со Святым островом, а потом ушли дальше, свернув к югу. Палинсаари хорош тем, что здесь всегда можно встретить непуганого ладожского тюленя: краснокнижную кольчатую нерпу. Она внешне похожа на свою балтийскую прародительницу, но немного меньше ее. Эти забавные морские животные встречали нашу «казанку» на подходе к острову подобно гостеприимным туземным аборигенам. Расположившись полукругом, они высоко поднимали усатые головы и забавно шлепали по воде своими ластами.

Мы не сразу нашли удобное место для высадки: мешали россыпи огромных камней. Николай придирчиво осмотрел обувь у женщин. Как всегда, красота довлела над целесообразностью. Здесь точно был совсем не Невский проспект.

Остров имел гладкую сферическую поверхность, похожую на торчавшую из воды макушку человека, который из-за отсутствия волос обходился без расчески. Скромный растительный мир складывался из редких низкорослых карликовых берез, можжевельных зарослей на западном берегу и повсеместного богатого царства мхов и лишайников. Такой пейзаж сразу напомнил острова Белого моря, почти полярная тундра. Этим летом мох совершенно «изжарился», как на разогретой сковороде, и теперь вкусно хрустел под ногами. Каменная поверхность острова своей шершавостью и глубокими морщинами напоминала гигантскую человеческую ладонь. Впору заняться хиромантией и найти здесь свою дорогу жизни. После этого не удивился, обнаружив на вершине острова необычно расположенные россыпи одинаковых по размеру обточенных камней: «каменные реки». Об их происхождении сегодня судить трудно. Возможно, что-то из этого стало следствием ледникового периода.

Скитов и отшельников здесь никогда не бывало, не выдерживала живая человеческая плоть долгого пребывания на таком суровом пустынном острове. Люди приходили сюда достаточно редко. Следы обнаруженной нами последней человеческой стоянки в каменной нише косвенно свидетельствовали о двухлетнем сроке ее давности. Закопченный чайник, небольшой запас оставленных кем-то продуктов и неистребимый мусорный пластик...

В северной части острова отыскал выложенное камнями углубление, похожее на основание древнего жилища рыбаков или охотников за нерпой. Самые настойчивые и пытливые исследователи могли найти здесь большой плоский камень с загадочными латинскими буквами.

На самой вершине острова горизонт раздвигался, открывалась дальняя панорама Валаамского архипелага с колокольной монастыря. До ближайшего материкового берега отсюда не меньше 24 километров, но я успел увидеть его подвешенным в воздухе зыбким миражом. Вокруг стояла первозданная тишина, о которой немислимо мечтать в большом городе. В этот день здесь не было даже чаек. Остров четко разделил Ладогу на два разных мира: гладкий, как стекло, и изрезанный бегущими от самого горизонта волнами.

Холодная вода надежд на купание в озере не оставляла. Правда, оставались еще глубокие каменные ниши у кромки береговой линии, заполненные прогретой водой, делавшей их похожими на античные ванны.

Погревшись на теплой лысой макушке острова, я спустился к противоположному берегу и принялся рисовать каменные уступы, похожие на ступеньки какой-то необыкновенной лестницы. Она брала свое начало глубоко под водой и уходила вверх, к небу, где потом резко обрывалась. Значит, поднимавшемуся по ней человеку дальше были нужны крылья. Раз за разом вглядывался в скалы и искал в них застывшие изображения героев, которые отважились пройти этот путь.

Нет, я не видел там верениц аскетических монахов. Это были суровые покорители моря, отважные воины. Внезапно солнце плеснуло лучи заката на скалы, и рыжий лишайник на них превратился в кровь...

Голубой купол

Так повелось, что во многие свои поездки мы берем с собой эту палатку, верную спутницу наших скитаний. Взяли ее и сюда, на Валаам. Как только позволило время, собрали рюкзаки и отправились к старому заброшенному причалу на Скитском острове.

По-настоящему причала уже нет, он частично развалился, многими своими бревнами ушел под воду и стал похож на человека, который упал на колени, чтобы испить воды, да так и застыл в этом неудобном положении.

Со стороны берега причал упирался в скалу с неглубокой нишей, способной укрыть от дождя, по крайней мере, двух человек. Место романтическое, но палатку возле него не поставить. Куда ни посмотри, только россыпи валунов да уходящие в озеро отвесные скалы.

Мы поднялись по каменистой тропинке и отыскали небольшую ровную площадку над самым обрывом. Оставалось только убраться старый сосно-

вый лапник и опавшие шишки. Немного слаженной работы, и над обрывом поднялся голубой купол нашей палатки. Получилось что-то похожее на ласточкино гнездо. За спиной вековые сосны, а впереди нас – отвесный спуск к озеру. Это следовало хорошо запомнить, чтобы утром не перепутать выход в палатке и не сигануть вниз. Превращение в ласточек еще не произошло. Место стоянки получилось «на семи ветрах», поэтому палатку надежно закрепили. Зато теперь с высоты открывался редкий по красоте вид на большую Ладогу и соседний остров.

С некоторого времени мы обходимся без костров, используя маленькую газовую плитку. Для того чтобы приготовить армейский котелок каши и чай, ее вполне достаточно. К слову, в таких «палаточных походах» для нас это не самое главное.

В какой-то момент на Валааме нужно просто успеть остановиться и посмотреть вокруг себя, ничему не мешать. Пусть все течет в своем русле. Ладожский берег для этого подходит лучше других. Начинаешь замечать, что на Валааме мир против законов науки вращается вокруг тебя, ты на это время становишься вместе с ним центром мироздания.

Интересно наблюдать, как над Ладогой рука мудрого Создателя рисует на небосклоне все новые мощные облака. Солнце прячется, а на горизонте уже сходятся темные тучи и освещаются всплесками далеких молний. Раскаты грома похожи на катящийся каменный шар. Следующий его удар раскалывает небо прямо над нашими головами. Самое время укрыться в палатке. Ставшая однажды нашим первым походным домом, она остается единственной защитой. Ее подвижный купол содрогается от порывов ветра, крупные капли дождя выбивают барабанную дробь. Кажется, что небо опрокидывается на скалы и гибнет там под треск вековых сосен. Нам остается только сделать движение навстречу друг к другу и теснее обняться. Теперь разыгравшаяся непогода выглядит чем-то бесконечно далеким. С наступившей близостью приходит ощущение перетекающего тепла и покоя. Мы даже не замечаем, как над островом снова наступает тишина...

Мир всегда так умирает и заново рождается, с криком и болью, словно живое существо, зверь или человек. Гроза уходит, а ночь сменяет наступающее утро.

Выбравшись из палатки, мы с изумлением смотрим на ее поверхность, усыпанную обломками сосновых веток. Мир снова устоял вместе с нашим голубым палаточным куполом.

Минувшей ночью мы так и не стали птицами, но это неважно. В такой ранний час люди вместе с птицами ходят по земле. Ты спускаешься вниз, сбрасываешь одежду и осторожноходишь в озеро. Над водой клубится туман, и твоя фигура с прижатыми к груди руками постепенно исчезает. Каким будет этот день? Нам кажется, что он немного другой. Едва поднявшись на свои слабые ножки, нарощенный утренний мир делает осторожный шаг, с первым лучом солнца, с тонкой паутинкой, которую крохотный паучок на наших глазах уже протягивает над мокрыми сверкающими ветками...

Вместо эпилога

До нашего отъезда оставалось еще несколько часов. Пришло время расставания с Островом. Мы тогда отправились к Монастырской бухте. Есть на Скитском острове особая лесная тропинка, которая идет над высоким скалистым берегом. Хорошо помним, что где-то посередине этого пути на гладком скальном выходе изображен человеческий глаз, Всевидящее око в треугольнике. В христианском мире этот символ существует уже много веков. Чаще в виде купольного храмового изображения и напоминания, что Бог видит все, не только внешние дела, но и мысли, желания и чувства людей. Искали мы этот «глаз» недолго. Он находился немного выше тропы и был обращен в сторону крохотной смотро-

вой площадки. Оттуда открывался прекрасный вид на Спасо-Преображенский собор Валаамского монастыря. Получалось, что «глаз» всегда смотрел на него и указывал людям на место, где это удобнее всего делать. Ирина год назад подновляла его своими красками. Теперь он немного потускнел и приобрел большую естественность.

Мы тоже посмотрели вместе с «глазом» на монастырь и поняли, что обязательно вернемся сюда...

При оформлении использована картина Н.К. Рериха «Святой остров»

Сергей Иванович ПСАРЕВ.

Писатель, художник.

Автор книг, в том числе электронных,

«В поисках утраченного», «Страницы времени»,

а сборник повестей и рассказов «Прикосновение»

ИА «Невские новости» рекомендует читателям

в числе пяти «самых петербургских книг 2017 года».

Член Российского Межрегионального союза писателей.

Лауреат литературной премии журнала «Север».

Живет в Санкт-Петербурге.

